

Шэнь Цинчи замер на мгновение, а затем кивнул. Он отложил в сторону грецкий орех, который вертел в руках, и понизил голос:

— У дяди есть способ помочь мне найти уведомление о зачислении?

— Найти? — Шэнь Фан слегка усмехнулся. — Клан Шэнь огромен, спрятать в нем один конверт проще простого. Где ты собрался его искать?

Услышав это, Шэнь Цинчи невольно забеспокоился:

— Тогда как же мне его вернуть?

— Разумеется, заставить их выдать его добровольно, — не спеша ответил Шэнь Фан, невозмутимо подливая себе чаю. — Они припрятали твое уведомление, чтобы им воспользовался Чжоу Ванъянь. А раз оно им нужно, рано или поздно наступит день, когда придется его достать.

— Дядя хочет сказать... — Шэнь Цинчи, кажется, начал что-то понимать, и в его глазах снова затеплился свет. — Когда начнется регистрация перед началом семестра?

Шэнь Фан кивнул.

— Но, — Шэнь Цинчи помрачнел, беспокойно теребя пальцы, — не будет ли к тому времени уже слишком поздно? Шэнь Цзин приставил ко мне людей, он определенно не позволит мне отправиться в университет. Если Чжоу Ванъянь успеет зарегистрироваться первым, тогда...

— Не волнуйся, подобная слежка меня ничуть не беспокоит. У меня есть способ вызволить тебя из этой виллы незамеченным. Что касается университета... — тон Шэнь Фана стал многозначительным. — Как удачно вышло: у меня есть кое-какие связи с ректором Цинского университета, я могу отвезти тебя к нему.

Услышав это, Шэнь Цинчи по-настоящему удивился. Неужели Шэнь Фан знаком с ректором Цинского университета? Хотя в оригинале книги упоминалось, что все те годы, пока Шэнь Фан притворялся слабым, он тайно обрастал нужными знакомствами, о связях с ректором Цинского университета там не было ни слова.

Шэнь Цинчи слегка округлил глаза, одновременно удивленный и обрадованный:

— Дядя дружит с ректором Цинского университета?

— Другом его назвать сложно, — ответил Шэнь Фан уклончиво, явно не желая вдаваться в детали. — Не спрашивай лишнего. В любом случае, я отвезу тебя к нему, а при его характере он не сможет закрыть глаза на подобное безобразие. Люди склонны доверять первым услышанным словам: если мы заявим в университете, что твое уведомление украли, то, когда Чжоу Ванъянь придет регистрироваться от твоего имени, это неизбежно привлечет внимание

руководства.

Шэнь Цинчи часто закивал, но вскоре его охватило новое беспокойство:

— Но... если дядя знает ректора, то не может ли Шэнь Цзин тоже быть с ним знаком? Раз они так уверены, что Чжоу Ванъянь сможет легко выдать себя за меня, не могли ли они договориться с университетом заранее...

— Он? — Шэнь Фан, казалось, пренебрежительно отмахнулся от его опасений. — Если бы у него были такие возможности, зачем ему было городить огород и заставлять Чжоу Ванъяня подменять тебя? Не проще ли было подкупить университет, чтобы они сами подделали документы? Поменять имя и фото в уведомлении на данные Чжоу Ванъяня было бы куда надежнее, чем красть твое удостоверение личности и пытаться выдать его за тебя.

Шэнь Цинчи задумался. И правда, логично. В тот момент, когда он читал о том, как Чжоу Ванъянь пришел на регистрацию, он был так разгневан, что пролистал главу очень быстро и не обратил внимания на детали. Однако он смутно припоминал, что родители Шэнь подкупили куратора и заведующего кафедрой, а вот о ректоре... кажется, упоминаний не было. Да и в самом деле, Цинский университет — одно из ведущих учебных заведений страны. Если бы коррупция достигла самого ректора, этот мир романа давно бы окончательно развалился. Похоже, те детали, что не были прописаны автором, все же подчиняются внутренней логике.

— Отдохни пока пару дней. Как только те, кто следит за нами, потеряют бдительность, я отвезу тебя к ректору, — сказал Шэнь Фан. — А пока с тебя мусор, мытье посуды и прочие мелочи. Главное, чтобы люди снаружи видели, как ты выполняешь мои поручения. Понял?

Шэнь Цинчи кивнул:

— Понял.

— И да, не забывай вертеть орехи, — добавил Шэнь Фан, поднялся и направился прямо на второй этаж.

Шэнь Цинчи проводил его взглядом, думая про себя: «Все-таки больше всего на свете дядя дорожит этими грецкими орехами». Поэтому он целый день добросовестно чистил грецкие орехи. Победил их до боли в пальцах, но в конце концов всё же привёл поверхность в порядок. После удаления белого порошка орехи даже заблестели.

И знаете что? Это принесло немало удовлетворения.

Было уже поздно, Шэнь Цинчи сидел под лампой, вертя орех в руке и разглядывая его со всех сторон, как вдруг боковым зрением заметил движение. Со второго этажа спустился Шэнь Фан. На нём был лишь небрежно запахнутый халат, и он на ходу вытирал волосы полотенцем.

Проходя мимо гостиной, он бросил взгляд на Шэнь Цинчи, занятого изучением ореха, взял с журнального столика корочку пластыря и уже собирался уходить, но почему-то остановился:

— Хватит их крутить, ложись спать пораньше.

Шэнь Цинчи в недоумении поднял голову.

Спать?

Прямо сейчас?

Не прошло и десяти, а он уже собирается спать. Что за старческий режим?

Его взгляд упал на лечебный пластырь в руках Шэнь Фаня. Внезапно в голове мелькнула идея, и он поспешно окликнул мужчину:

— Дядя... рука всё ещё болит?

— С чего это ты вдруг проявил такую заботу? — Шэнь Фан обернулся. — Гораздо лучше. Старая болячка, не стоит постоянно брать её в голову.

— Разве дядя не говорил, что раз уж играть роль, то до конца, — Шэнь Цинчи выглядел немного нервным, когда осторожно посмотрел на него. — Разве это не включает в себя и то... кхм, чтобы ты мной помыкал, ну, то есть позволял заботиться о себе?

— Ты? Заботиться обо мне? — Шэнь Фан приподнял бровь и усмехнулся, окинув племянника взглядом с ног до головы. — Маленький господин клана Шэнь будет о ком-то заботиться? Вот уж поистине новость.

Его низкий и ленивый голос был полон насмешки. Щёки Шэнь Цинчи мгновенно покраснели, и он забормотал:

— Я... я могу, я могу помочь тебе... м-м, помассировать.

— Помассировать? — Шэнь Фан передразнил его тон. — Что именно помассировать?

— Ну... — Шэнь Цинчи посмотрел на его правую руку. — Если болит, после массажа станет легче.

Вид покрасневшего парня был поистине забавным. Шэнь Фан снова захотел подразнить его, и, не удержавшись, брякнул:

— Насчёт массажа... я-то думал, ты хочешь помочь мне помассировать кое-что другое.

Шэнь Цинчи растерянно посмотрел на него:

— Что другое?

— Эм, — Шэнь Фан не удержался и отпустил сальную шуточку перед племянником, но, столкнувшись с его чистым и наивным взглядом, тут же почувствовал себя последним мерзавцем. Он торопливо принял серьёзный вид, опустил на диван и протянул собеседнику руку. — Раз уж тебе так хочется, то почему бы и не удовлетворить твоё желание.

Из-за принятия душа он уже снял пластырь, так что шрам на руке полностью обнажился. Шэнь Цинчи взглянул на него, и хотя был морально готов, всё равно содрогнулся от увиденного.

Шрам тянулся от точки на десять сантиметров ниже запястья прямо до самого локтя. Он

помнил, как в романе описывалось, что рана была глубокой: она перерезала нервы и задела кость, а поскольку в тот вечер шёл дождь, Шэнь Фан, защищая Шэнь Цзина, бежал и прятался, не имея возможности получить своевременное лечение. К тому моменту, как они наконец спаслись и добрались до больницы, рука уже потеряла чувствительность.

Позже растроганный Шэнь Цзин потратил огромные деньги на лечение младшего брата, но, увы, даже самые передовые медицинские технологии не смогли вернуть руку в прежнее состояние. Нервы-то срастили, но остались тяжёлые последствия, и Шэнь Фан поневоле из правши превратился в левшу.

Шэнь Цинчи застыл, глядя на этот шрам, и опомнился лишь тогда, когда над ухом раздался насмешливый голос Шэнь Фаня:

— Что, передумал делать массаж? Испугался?

— Н-нет! — Шэнь Цинчи торопливо пришёл в себя, протянул руку и легко коснулся его предплечья, осторожно проведя кончиками пальцев по рубцу. — Тебе правда... совсем не больно?

Возможно, из-за только что принятого душа температура тела Шэнь Фаня была немного повыше, и, когда пальцы Шэнь Цинчи скользнули по коже, тот ощутил лёгкую прохладу. Хотя кожа на месте шрама была вовсе не чувствительной, он почему-то почувствовал, что у него вот-вот мурашки побегут по коже. Это легкое, едва касающееся прикосновение походило на взмах птичьего пера — от него одновременно щекотало и покалывало.

Он невольно выдохнул сквозь зубы и отчаянно захотел отдернуть руку, но с большим трудом сдержался, а затем кашлянул:

— Ты вообще собираешься разминать или нет? Если нет, я пойду наверх спать.

— А, да, разминаю, — поспешно заговорил Шэнь Цинчи, продолжая массировать место шрама, но стоило ему надавить всего один раз, как он вдруг с криком боли отдернул руку и зажал ладонь.

— ...Что такое, я что, колючий? — поморщился Шэнь Фан.

— Нет, — Шэнь Цинчи опустил глаза, взглянул на собственную ладонь, затем сделал вид, что ему все равно, отвел взгляд и снова приложил руку к предплечью мужчины. — Давай я тебе лучше массаж сделаю.

Его неуклюжая маскировка заставила Шэнь Фана нахмуриться еще сильнее. Он мертвой хваткой вцепился в запястье Шэнь Цинчи, силой развернув его ладонью вверх.

Шэнь Цинчи инстинктивно поджал пальцы, но Шэнь Фан с силой разжал их. Лицо мужчины мгновенно посуровело, привычная улыбка исчезла без следа, а шрам на брови придавал его лицу свирепое выражение. Низкий голос не допускал никаких возражений:

— Как ты это сделал?

Шэнь Цинчи испуганно вздрогнул и попытался вырвать руку:

— Да... ничего особенного.

Шэнь Фан прижал его левой рукой — хотя правая рука болела так сильно, что ему было трудно даже держать палочки для еды, сила в левой руке оставалась удивительно большой. Шэнь Цинчи не смог даже сдвинуться с места, зато его снова придавило так сильно, что стало больно.

Заметив гримасу боли на его лице, Шэнь Фан понял, что переборщил с силой, и поспешно ослабил хватку, стараясь говорить как можно мягче, чтобы не спугнуть этого пугливого котенка:

— Я же не заставлял тебя работать до седьмого пота. Всего-то крутил грецкие орехи — как умудрился довести себя до такого?

На руках Шэнь Цинчи виднелось несколько мелких царапин — судя по всему, их оставила жесткая щетка. Материал щетинок состоял из тонкой стальной проволоки, и они действительно кололись, но Шэнь Фан никак не ожидал, что этот глупыш додумается поранить самого себя. В этот момент он одновременно злился и испытывал жалость.

Он терпеть не мог раненых или больных животных — каждый раз, подбирая такое создание, он неизменно тащил его домой. И вот теперь Шэнь Цинчи, находясь прямо у него перед глазами, умудрился пострадать, перейдя все мыслимые границы его терпения.

С мрачным лицом он приказал:

— Выпрями пальцы, покажи.

Шэнь Цинчи ничего не оставалось, как растопырить ладонь. Все десять кончиков пальцев покраснели — было очевидно, что он стер их донельзя.

Шэнь Фан едва не задохнулся от вдоха. Он осторожно потрогал покрасневшие кончики его пальцев:

— Очень больно?

— Нет, совсем не больно, — зачастил Шэнь Цинчи, мотая головой.

— Тогда от чего ты отдернул руку?

— Просто... — Шэнь Цинчи замялся, не договорив. Виновато отведя глаза, он спустя полдня выдавил из себя: — Кажется, в палец заноза вонзилась.

Лицо Шэнь Фана стало еще страшнее:

— Где?

— Кажется, здесь. — Шэнь Цинчи потрогал основание своей левой ладони и, надавив на какое-то место, ойкнул от боли.

Шэнь Фан присмотрелся повнимательнее и на коже, которую тот только что нажал, действительно разглядел крошечную черную точку, глубоко ушедшую в плоть.

Убедившись, что голыми руками занозу не вытащить, он недобро посмотрел на Шэнь Цинчи:

— У тебя в руке заноза, а ты и не знал? До чего же ты... до чего же бестолковый?

Эта заминка прозвучала настолько неестественно, что Шэнь Цинчи заподозрил: изначально мужчина хотел сказать вовсе не бестолковый, а тупой.

Неужели в глазах Шэнь Фана он теперь выглядел всего лишь капризным глупым котенком?

Впрочем... пожалуй, это было даже неплохо.

Шэнь Цинчи стыдливо опустил голову, пытаясь оправдаться:

— Я правда не заметил, и тогда ничего не чувствовал, прости.

— Не извиняйся передо мной, побереги извинения для себя самого, — Шэнь Фан поднялся на ноги. — Жди здесь.

С этими словами он ушел. Шэнь Цинчи украдкой глянул ему вслед, а затем снова посмотрел на собственную многострадальную ладонь...

Да уж, похоже, он немного просчитался насчет этого тела: он никак не ожидал, что руки прежнего владельца окажутся столь нежными, что стоит лишь случайно задеть щетку, как кожа сразу же лопается.

Хотя, в общем-то, всё логично — прежний владелец был избалованным юным господином из богатой семьи, и его, конечно, нельзя было ставить в один ряд с сиротой вроде него самого.

Шэнь Цинчи послушно ждал на месте. Когда Шэнь Фан вернулся, неся в руке аптечку, он невольно подумал, что тот поднимает слишком много шума из-за пустяка, и тихо произнес:

— Дядя, ее можно просто иголкой поддеть, раньше мне тоже занозы...

— Заткнись.

Шэнь Цинчи послушно замолчал.

Шэнь Фан порылся в аптечке, достал спирт, продезинфицировал иглу и только после этого приступил к извлечению занозы. Процесс вскрытия кожи неминуемо сопровождался кровью, но он старался сделать ранку как можно меньше. Наклонив голову, он спросил:

— Больно?

— Нет.

Ему действительно было не больно.

В детстве в приюте, чтобы не дать себя в обиду, ему приходилось часто драться, так что подобные царапины стоили ли не гроша.

Но Шэнь Фан взглянул на него так, словно ни капли не поверил.

Шэнь Цинчи и не собирался его переубеждать — он просто решил подыграть. Слегка прикусив нижнюю губу и трепеща ресницами, он изобразил всем своим видом терпеливую боль.

Шэнь Фан больше ничего не сказал. Кончик иглы уже коснулся занозы, и после долгих манипуляций, поддеваний и выдавливаний ему наконец удалось извлечь занозу наружу.

Это оказался обломок щетины стальной щетки длиной в два-три миллиметра.

Шэнь Фан никак не мог взять в толк, как этот человек умудрился загнать в плоть такой длинный кусок проволоки и при этом ничего не почувствовать. Бросив взгляд на Шэнь Цинчи, он поднялся и потащил его в ванную:

— Идем.

Шэнь Цинчи послушно поплелся следом. Шэнь Фан усадил его перед раковиной, подставил раненую руку под струю воды, чтобы смыть грязь, тщательно выдавил грязную кровь и промыл всё мылом с дезинфицирующим средством.

Шэнь Цинчи считал, что тот раздувает из мухи слона — подумаешь, заноза, не было нужды так сильно переживать. Он уже хотел было сказать, что с ним всё в порядке, как услышал голос Шэнь Фана:

— А столбняка ты не боишься?

Шэнь Цинчи замер. Слова, готовые сорваться с языка, застряли в горле, и лишь спустя полминуты он неуверенно произнес:

— Да... неужели? Разве щетка была не новой? К тому же она не ржавая...

Шэнь Фан зыркнул на него так, словно был крайне недоволен тем, что тот еще и смеет пререкаться:

— А если бы?

Шэнь Цинчи поспешно опустил голову, закрыл рот и умолк.

Кто бы мог подумать, что в мире бульварного романа кто-то вообще беспокоится о столбняке... Просто удивительно.

Он взглянул на крошечную, с просяное зернышко, ранку на своей руке, а затем на почти двадцатисантиметровый шрам на руке Шэнь Фана. Этот человек казался ему жуть каким странным: сам он перенес столь тяжелые травмы, но стоило задать ему лишний вопрос, как он отмахивался со словами «не обращай внимания», зато из-за какой-то жалкой занозы у Шэнь Фана началась настоящая паника.

Закончив промывать рану, Шэнь Фан отвел его обратно в гостиную, достал из аптечки йодную палочку и принялся аккуратно смазывать поврежденное место.

После всех этих мытарств и без того бледные пальцы Шэнь Цинчи покраснели еще сильнее. Все десять кончиков окрасились в полупрозрачный розоватый оттенок, а ногти выглядели аккуратными и гладкими — просто до упомощения... мило.

Эточему-то напомнило ему розовые подушечки кошачьих лапок.

Взгляд Шэнь Фана задержался на кончиках пальцев юноши, и рука, державшая ватную палочку, внезапно замерла. Словно поддавшись какому-то наваждению, он присмотрелся еще

пристальнее.

И еще раз.

Лишь когда Шэнь Цинчи, заметив, что тот неподвижно замер уже целую вечность, робко окликнул его, мужчина словно очнулся ото сна. С неестественным выражением лица он отвернулся и сглотнул вставший в горле ком.

Быстро закончив смазывать рану йодом, он бросил использованную палочку в урну и кашлянул:

— Короче говоря, грецкие орехи пару дней пока не трогай. Я пойду, ложись спать пораньше.

С этими словами он поспешно повернулся и поднялся на второй этаж.

Шэнь Цинчи опустил глаза и увидел, что мазь, которую Шэнь Фан изначально собирался забрать с собой, так и осталась одиноко лежать на журнальном столике.

<http://bllate.org/book/21917/2277174>